

Глава 70: Грязные Дела

“Это... неважно, что подумает император. Правда в том, что сэр Сунь проявил неуважение, бросив вызов императорскому указу. Как мне доложить об этом императору?” После того, как его шок ослаб, Великий управляющий Ван был больше всего обеспокоен последствиями, которые упадут ему на голову. Известно, что император был вспыльчивым, и он прикажет казнить его при первой же возможности. Как евнух должен был вернуться с пустыми руками?

- Вы там, возьмите тело сэра Сунь и приведите его в порядок. " Великий управляющий Ван закрыл свой нос рукавом и отдал приказ молодым евнухам, которые пришли вместе с ним. Эти молодые евнухи боялись быть втянутыми в беспорядок, поэтому они с трудом заставили себя выйти вперед, чтобы собрать останки Сунь Юй.

Сунь Цзе и Сунь Цинь вспыхнули с яростью, насильно отталкивая евнухов в сторону. “Что вы хотите сделать?! Он уже мертв, что еще вам нужно от его трупа?”

Герцогиня изо всех сил пыталась встать, но ее ноги не смогли удержать ее. Она рухнула на землю и ее горе сменилось возмущенным криком “ Не смейте! Кто смеет трогать тело моего внука?!” Слезы заливали ее лицо, а боль прерывала ее крики, он уже ушел, Почему вы просто не оставите его тело в покое?!”

"Вам придется пройти мимо меня, чтобы даже прикоснуться к моему внуку!" Глаза герцога были налиты кровью, а его хриплый голос дрожал от волнения. Он преградил евнухам путь с протянутыми руками, поставив себя так же твердо, как гора перед его домом.

Как мог Великий управляющий Ван не скорбеть о Сунь Юй в свете такой трагедии? Но если он не сможет выполнять свои обязанности, его шея будет следующей на плахе. - Ваша милость, у слуги нет другого выбора. Вы знаете характер императора. Если он впадет в имперскую ярость, ни вы, ни я не сможем вынести последствий." Немного подумав, он предложил: “Давайте поступим следующим образом, я попрошу кого-нибудь вернуться во дворец и доложить о произошедшем императору. А потом мы посмотрим, что захочет сделать император?”

Если император проявит милосердие, это спасет меня из этой ситуации. Ничего хорошего не выйдет и из оскорбления герцога.

Герцог заскрежетал зубами и кивнул. "Тогда я больше не держу вас, Великий управляющий."

Главный управляющий поблагодарил за вежливый ответ и обратился к молодому евнуху. Молодой евнух был далеко не в восторге от перспективы встретить императора с плохими новостями, но все равно был вынужден уйти. Он возвращался во дворец с длинным лицом, словно возвращаясь навстречу своей гибели.

Группа ждала, их сердца отражали замерзший двор. В какой-то момент пошел снег, деликатно укрывая запекшуюся кровь на черной земле. И все же никто не думал укрыться от стихии. Единственный звук, который нарушал тишину двора, было низкое сопение или приглушенные рыдания женщин. Когда старшая тетя Цинь Инин пришла в себя, она завывала и снова упала в обморок, увидев состояние своего сына. Вторая тетя крепко держала Ни Сан, и они горевали вместе.

Цинь Инин подошла к бабушке, по ее лицу безмолвно текли слезы. Старший двоюродный брат отдал свою жизнь за свои идеалы, но он еще и навлек угрозу наказания от императора для всей семьи. Тем не менее, любовь к стране глубоко укоренилась в костях семьи Динь. Слова

такого рода не должны были произноситься.

И все же, поддерживать его веру смертью все таки было актом неподчинения. Цинь Инин не знала, о чем думали остальные, но ее зубы чесались от ядовитой ненависти к этому поганому императору. Она не могла ничего не сделать, но думала, что Цинь Хуайюань смог бы. Старший двоюродный брат был удостоен похвалы и щедро вознагражден. Разве это не то же самое с отцом? Живя в смутное время, непостоянство судьбы было труднее всего предсказать и устоять.

Примерно через час слышались тихие шаги. Молодого евнуха отправили обратно, но теперь его сопровождали и некоторые императорские телохранители. Молодой евнух был очень спокоен после получения указаний от императора и уверенно поклонился. "Император передал устный указ и приказал, чтобы этот слуга передал его герцогу Динь."

Главный управляющий кивнул, показывая евнуху, что тот должен говорить. Звуки траура медленно утихли, и все уставились на евнуха.

"Император говорит "" герцог семьи Динь исповедует свою верность, но даже не желает предложить единственного Сунь Юя на благо нации. Пожертвов только Сунь Юй успокоил бы гнев Великого Чжоу и, возможно, привел бы к отступлению на Сихуа и освобождению десяти тысяч пленников! Но, кажется, Сунь Юй принял решение только руководствуясь своими личными соображениями! Вы должны предложить его тело и мозги Великому Чжоу, даже если бы он был разорван на куски, а тем более размозжил себе голову до смерти! Любой, кто посмеет помешать этому, будет обвинен в государственной измене!"

Голос евнуха был пронзительным, но все же идеально имитировал гневный тон императора. Однако, чем дальше он говорил, тем больше уменьшался его объем. На самом деле это не могло помочь, потому что все взгляды превратились из обнадеживающих в злобных, как хищники, смотрящие на добычу.

Великий управляющий Ван махнул рукой, что означало, что евнух может быть свободен и поклонился герцогу. Невысказанное давление тяжело давило на него, и он с трудом заговорил: "Ваша светлость, вы глава семьи и должны сохранять ясность ума. Император уже сказал это, так что я должен взять с собой сэра Суня. Вы должны подумать, должна ли ваша семья пострадать от ярлыков "измены" и "неповиновения императорскому указу"! Сэр Сунь больше не с нами, но у вас есть другие дети и внуки, о которых нужно подумать!"

Герцог сжал кулаки так сильно, что костяшки пальцев побелели. Вена пульсировала на лбу, но ни слова не слетело с его губ. Женщины вокруг него громко плакали.

Императорские телохранители шагнули вперед и отодвинули в сторону пятого и восьмого кузенов Цинь Инин. Они собрали разбросанные останки Сунь Юя и положили их в атласную коробку. Затем они подняли его страшное тело в поспешно приготовленный тонкий гроб. Великий управляющий Ван немедленно попрощался, когда увидел, что задание выполнено, и поспешил уйти.

Герцог медленно наклонил голову и пробормотал " небеса желают смерти великого Янь." Из его губ закапала кровь, глаза закатились и коренастое тело герцога упало, как старый дуб, тяжело врезавшись в землю.

"Дедушка!"

- Ваша Милость!" Двор снова погрузился в хаос.

Известие об этих печальных известиях в поместье Динь распространилось по всей столице менее чем за четыре часа. Общественность заволновалась, а горожане попеременно вздыхали от горя и гнева. Солдаты столицы были вне себя от горя. Цинь Хуайюань лично примчался, когда услышал новости. Цинь Инин и Цинь Хуэйнин оставались рядом с Ни Сан, помогая доктору заботиться о своих родственниках. Герцогиня, старшая тетя, вторая тетя и даже герцог еще не пришли в себя от мертвого обморока. Не осталось никого, кто мог бы принимать решения.

Цинь Хуайюань велел Сунь Цзе и Сунь Цинь установить алтарь в переднем дворе. Они положили одежду, носки и обувь Сунь Юй в гроб. Цинь Хуайюань также нанял глашатаев, чтобы объявить о смерти племянника и приказал слугам нести службу над гробом, сжечь бумажные деньги и плакать перед гробом. Вся усадьба была окутана трагической атмосферой, подчеркнутой белым трауром.

Между тем, император и императрица нахмурившись смотрели на останки Сунь Юй. Больше всего их расстраивал беспорядок внутри атласной коробки.

"Ваше Величество, как вы думаете, что означает действие Сунь Юаньмин? У него были мысли о неподчинении? Ты приказал ему что-то сделать, и он потратил свою жизнь, чтобы не выполнить приказ?" Императрица поднесла к носу благоухающий платок, презрительно раздувая воздух.

Император думал именно об этом, и его гнев вспыхнул еще больше, когда он услышал слова императрицы. "Я думаю, что Сунь Юаньмин так много учился, что его мозги уже давно превратились в оmlет. Надеюсь, посланник великого Чжоу не узнает об этом. Слуги, слушайте мой приказ."

- Да, Ваше Величество? Великий управляющий Ван ласково улыбнулся.

- Иди пригласи великого посланника Чжоу, - нетерпеливо фыркнул император. "Скажи, что я устраиваю банкет в его честь и что Сунь Юй готов."

Великий управляющий быстро ушел выполнять приказы. Император хотел использовать труп и половину коробки внутренних органов, чтобы успокоить гнев Великого Чжоу, но посланник хлопнул рукой по столу и поднялся на ноги, когда увидел их. Он сердито раскритиковал императора "это полное неуважение по отношению к нашей вдовствующей императрице! Мозг должен быть сырым, и чем свежее, тем лучше. Убивая его на месте, вы гарантируете свежесть. Тело сгниет и будет вонять, если мы отправим его обратно! Как же тогда наша вдовствующая императрица съест его?"

Император тоже это понимал. Он мог лишь виновато улыбнуться и оправдываться. Посланник гневно распустил рукава и обнюхал, не забирая с собой тело.

После того как посланник ушел, императора наконец дал волю своему гневу, перевернув стол, на котором стояла коробка с останками. Он громко потребовал: "бросьте Сунь Юй в общую могилу! Его вид раздражает меня!"

Великий управляющий подскочил в ужасе, но опустил голову и сделал, как приказано. Но к счастью, в нем все еще оставалась человеческая порядочность. Несмотря на то, что он бросил Сунь Юй в общую могилу, в то же время он послал доверенного подчиненного к поместью Динь с сообщением, что семья Динь должна быстро прийти и забрать тело Сунь Юя, прежде чем его унесут дикие волки или собаки.

Услышав это, Сунь Цзе и Сунь Цинь снова расплакались, переполненные тоской и горем. Цинь Хуайюань устало приказал "несмотря ни на что, возвращение Юаньминь для погребальных обрядов имеет первостепенное значение. Остальное можно подробно обсудить позже. Вы больше не дети, так что я уверен, что вы многое понимаете. Надеюсь, для императора вы не единственные, а у вас еще есть обязанности по ведению домашнего хозяйства."

"Дядя говорит правильно." Сунь Цзе провел ладонью по глазам. "Я поеду на самой быстрой лошади, чтобы вернуть его. Восьмой брат, будь начеку дома."

"Хорошо." Сунь Цинь тоже вытер слезы и с благодарностью поклонился Цинь Хуайюань, когда его старший брат отправился в путь. "Пятый брат и я запаниковали после сегодняшних событий. В доме нет никого из взрослых в здравом уме и мы не знали, что делать. Если бы не вы..."

"Не стоит благодарностей." Цинь Хуайюань махнул рукой. "Мы одна семья."

"Вы правы." Сунь Цинь эмоционально кивнул.

"Приказываю всем держать язык за зубами." Цинь Хуайюань посоветовал после очередного вздоха. "О некоторых вещах нельзя думать или говорить. Император все еще зол. Если что-то выйдет наружу, это будет смертельное преступление."

"Понятно." Сунь Цинь сжал губы.

Цинь Хуайюань хлопнул его по плечу. "Если наш сеньор хочет, чтобы мы умерли, мы должны умереть. Такова жизнь слуги."

Слезы снова навернулись, когда Сунь Цинь услышал это и почувствовал холодный воздух вокруг гроба своего брата.

Сунь Цзе яростно хлестнул свою лошадь, чтобы вырвать Сунь Юй из общих могил. Затем они наконец-то смогли уложить Сунь Юя. Цинь Хуайюань взглянул на Сунь Юя в гробу. Ему было тяжело видеть это. Он был переполнен эмоциями при мысли об удивительно талантливом Сунь Юй, которого судьба наградила такой печальной кончиной.

Ни Сан только что помогла герцогине принять лекарство, когда герцогиня вызвала матушку Бао, чтобы спросить о герцоге и о ситуации во внешней резиденции. Старый слуга переоделся в гражданскую одежду, затянув ее белым поясом. Она поклонилась. "Мисс Тан только что осмотрела герцога. Она говорит, что он был подавлен гневом и может восстановиться только через медленное лечение с помощью лекарств. Герцог только что проснулся и снова уснул после приема лекарств. Лорд Цинь охраняет внешнюю резиденцию с пятым и восьмым хозяином. Старший мастер уже похоронен."

- Ты хочешь сказать, что тело Мин Эра вернули?"

"Да." Матушка Бао волновалась, что герцогиня снова упадет в обморок от сильных эмоций, поэтому не посмела сказать, что они вырвали тело Сунь Юй из пасти диких собак и волков в общих могилах. Герцогиня просто предположила, что император отправил ее внука обратно, и печально снова закрыла глаза.

Поскольку он встретил насильственную смерть, Сунь Юй был похоронен после того, как его показывали семь дней. Цинь Инин и Цинь Хуэйнин оставались рядом с Ни Сан все это время, чтобы поддержать герцогиню Динь. Если бы не канун Нового года, который уже наступал через

четыре дня, Ни Сан не захотела бы вообще возвращаться в семью Цинь. Но она была женой и невесткой, поэтому она не могла остаться дома в конце года.

Тем не менее, как только трое вошли в главный зал сада благочестия, их приветствовал свирепый голос старой вдовы.

<http://tl.rulate.ru/book/13071/372554>